

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка анализа и систематизации значений временных форм глагола в чувашском языке, а также выявления по мере возможности их структурных взаимосвязей.

Ключевые слова: *прошедшее время глагола, плюсквамперфект, будущее время, категоричность, длительность, кратковременность.*

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение системы временных форм глагола в чувашском языке актуально по причине того, что эта система состоит из множества компонентов, взаимосвязанных друг с другом на основе различных семантических признаков. По структуре образования все формы времени глагола делятся на три группы, каждую из которых составляют формы с одним или несколькими аффиксами, а также созданные аналитическим путем. В статье исследованы значения и способы образования девяти наиболее используемых в речи современных чувашей временных форм.

Материал и методика исследований. В качестве материала для изучения привлекаются тексты произведений чувашской художественной литературы. Исследование построено на базе функционально-семантического анализа, что подразумевает прежде всего изучение внутреннего содержания и структурных взаимосвязей упомянутых форм. Этимологический аспект при подобном подходе не учитывается.

Результаты исследований и их обсуждение. В чувашском языке категория времени глагола представляет собой весьма важный компонент всей структуры грамматических глагольных категорий. Это связано с тем, что действие, значение которого передается в высказывании, обязательно должно быть отнесено к определенному временному промежутку. Таким образом, время совершения этого действия всегда эксплицируется при помощи специальных формальных показателей. Особенностью чувашской (как и в целом тюркской) категории времени глагола является ее многовариантность. Для передачи значений глагольных времен могут использоваться синтетические (аффиксы и сочетания аффиксов) и аналитические формы (сочетания знаменательного и вспомогательного глаголов). Многовариантность временных форм обусловлена прежде всего тем, что в их значении обычно помимо временных сем присутствуют и другие, дополнительные, семы, которые уточняют различные факторы, сопутствующие совершению данного действия.

© Лебедев Э. Е., 2016

Лебедев Эдуард Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия; e-mail: edlebed@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.05.2016

Таковыми факторами могут быть характер его протекания, отношения с другими действиями во временном плане, модальная оценка совершения действия (директивность, факультативность, опосредованность и др.). Наличие или отсутствие этих дополнительных сем в значении временной формы влияет на ее взаимосвязи с другими формами, что в целом определяет общую структуру категории времени глагола.

Формы времени глагола в чувашском языке, как, собственно, и в других тюркских языках, обнаруживаются прежде всего в индикативе. Изъявительное наклонение глагола выражается только временными формами, оно указывает на то, что «действие (состояние, процесс), обозначаемое основой глагола, мыслится говорящим как действительно происходящее, происходившее или имеющее возможность произойти» [4, с. 248]. Однако и в так называемых косвенных наклонениях могут присутствовать формы времени. В чувашском языке это в первую очередь морфема с показателем *-чĕ*, имеющая значение прошедшего времени: *илмелле-чĕ* ‘нужно было взять’, *ыйтасийĕн-чĕ* ‘хотел спросить’. Предметом исследования настоящей статьи стали формы времени глагола в изъявительном наклонении.

1. Настоящее-будущее время.

Показателями данной формы являются аффиксы *-(a)t-/(e)t-*, *-(a)ççĕ/-(e)ççĕ*: *илетĕп* ‘я беру, возьму’, *суйлатĕн* ‘ты выбираешь, выберешь’, *пăхаççĕ* ‘они смотрят, посмотришь’ и др. Отрицательный статус выражается при помощи аффиксов *-мас/-мес*.

Мы предпочитаем именно такое название этой формы по двум причинам. Во-первых, оно точнее отражает ее семантику, а во-вторых, термин «настоящее-будущее время» активно используется в современной тюркологии [6, с. 79], [7, с. 225]. В чувашском языкознании этот термин применял В. Г. Егоров [2, с. 187]. Значением этой формы может быть действие, осуществляемое либо в настоящем, либо в будущем. Подобное отсутствие строгой привязанности к определенному отрезку времени позволило сделать временные границы значения данной формы достаточно широкими, что привело к ее способности выражать и постоянные действия.

На основании исследованного фактического материала мы выделяем три основных значения формы настоящего-будущего времени в чувашском языке:

1) действия, которое совершается в настоящий момент:

Арçын та ун çине çĕмĕрт çырли евĕр хура куçĕсемпе тинкерсе пăхат (У. Эльмен) ‘И мужчина тоже внимательно **смотрит** на нее своими черными, как ягоды черемухи, глазами’;

– *Ну, мĕнле, çамрăксем, килĕшетĕр-и ман сĕнĕпе?* (Г. Т. Терентьев) ‘Ну что, молодежь, **согласны** с моим предложением?’;

2) будущего действия. Данное значение дополнено семантикой категоричности:

Пирĕн кунта çăкăра темпе те улăштараççĕ... (Ю. О. Збанацкий) ‘Наши здесь хлеб хоть на что **поменяют**...’;

Сăмах майĕн каласан, килес çул планĕ шучĕпе тырă лестертĕн эсĕ (В. В. Ухли) ‘К слову сказать, по плану следующего года ты **будешь возить** зерно’;

3) действия, которое происходит постоянно, в течение длительного промежутка времени, или действия, которое вытекает из существующего положения дел, – оно как бы является постоянным свойством:

Урамра çĕрĕн-кунĕн йăмрасем кашлаççĕ (К. С. Турхан) ‘На улице днем и ночью **шумят** ветлы’;

Ватлăхран вилĕм çеç сыватать, теççĕ (И. Д. Вутлан) ‘**Говорят**, что от старости **излечивает** только смерть’.

2. Будущее время.

Эта форма образуется присоединением к глагольной основе аффикса *-ă/-ĕ*. По мнению некоторых лингвистов, будущее время в чувашском языке не имеет особого показателя и после основы сразу следуют аффиксы лица [10, с. 360]. Но мы придерживаемся другой точки зрения, которая, в частности, изложена М. Р. Федотовым [12, с. 89]: *курăп* ‘я увижу’, *килĕн* ‘ты придешь’, *пăхĕ* ‘он посмотрит’ и др. При отрицательном статусе добавляется аффикс *-м*: *курмăп* ‘я не увижу’, *килмĕн* ‘ты не придешь’, *пăхмĕ* ‘он не посмотрит’ и др.

Среди лингвистов распространено мнение, что чувашская форма будущего времени в своем значении имеет семы неуверенности, потенциальной возможности совершения действия в будущем или неопределенности [2, с. 190–191], [3, с. 74] [8, с. 240–241]. Фактический материал чувашского языка подтверждает это:

– *Акă, анкартисем хыçнех чуçун çул хывăпăр* (М. Д. Ухсай) ‘Вот, сразу за гумном проложим железную дорогу’;

Кунпала мĕн *тăвăпăр*? (Н. Ф. Мранька) ‘Что будем с этим делать?’.

Однако имеются случаи, когда эта форма может передавать значение будущего действия, в котором говорящий уверен. Об этом, например, пишет В. И. Сергеев [9, с. 101]. Вот примеры, где присутствует указанная семантика:

Эпир, сывă юлнисем, сирĕншĕн пуриншĕн те тавăрăпăр... (Н. Ф. Мранька) ‘Мы, те, кто остался в живых, отомстим за всех вас...’;

Манран лăпланасси пулмĕ, сире те ытла лăпкă пураманна памăн (К. С. Турхан) ‘От меня успокоения не будет, и вам я не дам жить слишком спокойно’.

Таким образом, можно говорить о том, что данная форма способна содержать в своем значении как семантику неуверенности, так и семантику действия, которое произойдет с определенной уверенностью. Тем не менее по степени уверенности в совершении действия значение формы будущего времени уступает значению формы настоящего-будущего времени.

3. Прошедшее категорическое время.

Термин «прошедшее категорическое время», используемый нами в отношении соответствующей формы, наиболее подходит для отражения основных особенностей передаваемого ею значения. Форма прошедшего категорического времени образуется с помощью аффиксов *-рă/-рĕ*, *-тă/-тĕ*, *-чĕ*: *кайрăм* ‘я пошел’, *пулчĕ* ‘он был’, *кантăн* ‘ты отдышал’ и др.

Исследованный нами фактический материал демонстрирует, что в значении этой формы присутствует семантика относительно как продолжительного, так и непродолжительного действия в прошлом. Главной в ее значении при этом является сема категоричности действия, указывающая на то, что говорящий полностью уверен в факте его совершения:

– *О майн гот! – кайкăрса янă генерал. Хăлхаран çавăрса илнĕ вăл Гришаткăна. – Вăратмарăн. Вăратмарăн. Эсĕ эп хушинне тумарăн* (С. П. Алексеев) ‘– О майн гот! – закричал генерал и схватил за ухо Гришатку. – Не разбудил. Не разбудил. Не сделал, что я приказал’;

Пасара çитсе кĕрсен çамрăк, пĕр-пĕр паллакан çынна тĕл пулаймăп-ши тенĕ пек, малтанах апат-çимĕçсем сутакансем хушинче çурекелерĕ, чаранса чăваши хĕрарăмĕсем калашнине ытараймасăр итлесе тăчĕ (Ф. Е. Уяр) ‘Войдя на рынок, парень сначала бродил среди продавцов продуктов, как будто желая встретить кого-нибудь из знакомых. Остановившись, он слушал, не отрываясь, разговор чувашских женщин’.

4. Прошедшее субъективное время.

В работах по грамматике чувашского языка для обозначения данной формы обычно используют следующие термины: прошедшее состояние, прошедшее неопределенное, прошедшее неочевидное и др. [1, с. 96], [2, с. 195], [12, с. 102]. Мы предпочитаем использовать вышеуказанное название. Для передачи значения прошедшего субъективного времени служит форма с показателем *-нӑ/-нӗ*. Отрицательный статус образуется при помощи показателя *-ман/-мен*. Это форма причастия прошедшего времени, которая в данном случае использована в функции предикатива. На ее отличие от других форм прошедшего времени указывает неспособность принимать аффиксы лица, в связи с чем ее спряжение может осуществляться только при помощи личных местоимений.

Мы солидарны с мнением Б. А. Серебренникова, который наперекор утверждениям большинства ученых в отношении семантики этой формы указывает на то, что она может передавать значения как «заглазного», индирективного действия, так и действия, непосредственно наблюдавшегося говорящим [11, с. 181–185]:

Çакӑнтан ӑна «арлан Муçси» теме пуçланӑ (С. В. Эльгер) ‘С тех пор его стали называть «хомяк Мусси»’;

Ахаль кӑна хут, анчах ӑна Станук Макси кӑна мар, пӗтӗм халӑх кашни саспалли таран пӗлме тӑрӑшнӑ: хут пӗлекен вуланӑ, пӗлменни итленӗ (М. Д. Ухсай) ‘Всего лишь бумага, но ее не только Станук Макси – все люди старались изучить до последней буквы: грамотные читали, неграмотные слушали’.

Но у данной формы имеется еще одно значение – значение перфекта, действия, которое произошло в прошлом, но результат его мы можем наблюдать в настоящем:

Калассах кайми пулнӑ вӑл, текех сывӑх юлташӗсенчен те ютшишнӑ, кӑмӑлсӑрланнӑ (Г. И. Краснов) ‘Он стал неразговорчивым, отвернулся также и от своих близких друзей, стал недовольным’.

5. Прошедшее постоянное действие (неопределенный имперфект) I.

Постоянное действие в прошлом в грамматике современных тюркских языков обозначается термином ‘неопределенный имперфект’ [5, с. 332].

Данная форма передает значение действия, которое происходило в прошлом на протяжении большого отрезка времени. Она образуется при помощи сочетания аффиксов настоящего-будущего и прошедшего категорического времен: *-аттӑ/-еттӗ*, *-атчӗ/-етчӗ*: *каяттӑм* ‘я ходил’, *пӗлеттӗн* ‘ты знал’, *ӗçлетчӗ* ‘он работал’ и др. Для передачи значения отрицательного статуса используют показатель настоящего-будущего времени *-мас/-мес*.

...Ӑна итлетчӗç, ун патне канашлама пыратчӗç, ачасем тесен – иртсе сӳреме намастчӗç, ун çинчен, кун çинчен каласа пар та каласа пар, Хӗветӗр пичче! – тетчӗç (Ю. О. Збанацкий) ‘...Его слушали, к нему ходили за советом, а дети не давали проходу, говорили: расскажи о том, расскажи о сем, дядя Федор!’;

Якур мана тӳрех магазина чунтаратчӗ (Д. В. Гордеев) ‘Якур меня сразу отправлял в магазин’.

Однако иногда эта форма способна передавать значение неопределенного действия, которое совершалось в прошлом на протяжении определенного промежутка времени, но прекратилось в момент возникновения другого действия:

Батарей тавра тӗтӗм явӑнса тӑратчӗ, халь вӑл та лӑпланса çитрӗ (М. Ф. Ильбек) ‘Вокруг батареи клубился дым, но и он сейчас осел’.

6. Прошедшее постоянное действие (неопределенный имперфект) II.

Эта форма обычно не представлена в грамматических обзорах по чувашскому языку. По-видимому, причиной явилось то, что ее основу составляет показатель причастия настоящего времени *-акан/-екен*, к которому присоединяется аффикс прошедшего времени *-ччĕ*. Форма не принимает аффиксы лица, а ее отрицательный статус образуется при помощи предиката *мар*.

Значение формы совпадает с первым, указанным нами выше, значением формы неопределенного имперфекта I – это значение постоянного действия в прошлом:

Цирк хуши хальччен ку трюке сезон варринче е вĕсĕнче кĕтартаканччĕ (Н. Ф. Мранька) ‘Раньше хозяин цирка **демонстрировал** этот трюк (всегда) в середине или в конце сезона’;

Йывĕр тапхĕрта Зохер самай пулайшаканччĕ, анчах юлашки вĕхĕтра вĕл Монеим пурайшакан хулар пач курĕнмарĕ, ялтах хушалах тытса пурайчĕ (И. Д. Вутлан) ‘В трудные времена Зохер много **помогал**, но в последнее время его совсем не было видно в городе, где жил Монеим, он занимался хозяйством в деревне’.

7. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) I.

Двусоставная форма, состоящая из комбинации аффиксов – деепричастного показателя *-са/-се* и показателя прошедшего категорического времени *-тĕ/-тĕ-*, *-чĕ*: *ĕслесеттĕм* ‘я работал’, *вĕренсеттĕн* ‘ты учился’, *пурайсаччĕ* ‘он жил’ и др.

Под плюсквамперфектом понимается значение действия, которое совершено до другого действия в прошлом. Также эта форма может передавать значение давнопрошедшего действия вне его связи с другими действиями:

Паян эфир кунта вĕрман хатĕрлес ĕспе пухансаттĕмĕр... (К. С. Турхан) ‘Сегодня мы здесь **собрались** для подготовки леса’;

Сан ятна вилнисен кĕнекине кĕрттерсеттĕм... (А. С. Артемьев) ‘Твое имя я **поручил внести** в книгу павших...’.

В чувашском языкознании принято считать, что значение этой формы выражает категорическое действие в прошлом [2, с. 198].

8. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) II.

Форма является синонимичной по отношению к предыдущей форме. Распространено мнение, что она, в отличие от плюсквамперфекта I, передает значение действий, которые не наблюдались говорящим, другими словами, опосредованных, индирективных действий. Но в последнее время плюсквамперфект II активно вытесняет в речи первую форму, при этом часто его употребляют и в случаях с категорическими действиями. Эта форма образована путем сочетания аффиксов причастия с показателем *-нĕ/-нĕ-* и прошедшего времени с показателем *-ччĕ*: *эпĕ илнĕччĕ* ‘я взял’, *эсĕ тунĕччĕ* ‘ты сделал’, *вĕл килнĕччĕ* ‘он (она) пришел(ла)’ и др.:

Эфир тахсан Лакрей вĕрманĕнче курнĕнччĕ пулас (Р. С. Ярандай) ‘Возможно, мы **встречались** давно в Лакреевском лесу’;

– *Ĕнер килнĕччĕ. Урĕх курман, – пĕлтерчĕ ăна Анна Михайловна* (С. В. Эльгер) ‘Вчера **приехал**. Больше не видели, – сообщила ему Анна Михайловна’.

9. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) III.

В чувашском языке имеется еще одна форма со значением плюсквамперфекта. Она образуется аналитическим способом – путем сочетания формы причастия прошедшего времени с показателем *-нĕ/-нĕ* и вспомогательного глагола *пул-* ‘быть, являться’, имеющего ту же форму причастия: *синĕ пулнĕ* ‘ел’, *кайнĕ пулнĕ* ‘уехал’, *ĕсленĕ пулнĕ* ‘работал’ и др. Как и в случае с предыдущей формой, здесь невозможно спряжение по лицам при помощи аффиксов.

Патмаровна Антонов вярманта уна шйтăкĕ тупнă пулнă (М. А. Кибек) ‘Патмаров с Антоновым **нашли** в лесу медвежью берлогу’.

Пысăк вырăнсенчех ёсленĕ пулнă иккен Петр Иванович (Д. В. Гордеев) ‘На больших должностях, оказывается, **работал** Петр Иванович’.

Резюме. По структурному типу все формы глагольных времен в чувашском языке можно разбить на три группы: простые синтетические, сложные синтетические и аналитические (точнее, одна аналитическая) формы. К первой группе относятся формы, которые образуются при помощи одного аффикса, вторую группу составляют формы, образованные сочетанием двух аффиксов, и, наконец, третья группа состоит из аналитической формы, в состав которой входят аффикс причастия прошедшего времени и вспомогательный глагол *пулнă* ‘был’.

Такое структурное различие в способах образования временных форм напрямую зависит от их семантики. В соответствии с концепцией о существовании нескольких периодов (или моментов) ориентации, с которыми, собственно, и связаны значения временных форм [5, с. 317], в системе времен чувашского глагола по периоду ориентации мы можем выделить две основные группы. В первой – группа форм, значения которых ориентированы на *настоящий период*. Они все образованы при помощи одного аффикса, в их число входят прошедшее категорическое, прошедшее субъективное, настоящее-будущее и будущее времена. Они передают значения прошлого, настоящего, будущего и постоянного действий, которые находят свое выражение в отношении к настоящему моменту. Во второй группе мы имеем формы, которые образованы путем сочетания двух аффиксов или аналитически, это формы неопределенного имперфекта и плюсквамперфекта. Их значения ориентированы на *прошлый период*.

Структурные взаимосвязи между значениями временных форм внутри двух указанных групп определяются на основе дополнительных сем. К ним относятся такие семы, как категоричность, «заглазность» (или опосредованность), длительность, кратковременность, кратность, постоянство и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. А. Чăваш чĕлхин стилистики. Иккĕмĕш пайĕ: Морфологи. – Шупашкар : Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1964. – 184 с.
2. Андреев Н. А., Егоров В. Г., Павлов И. П. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. – 362 с.
3. Ахвандерова А. Д. Категория времени глагола в говорах чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. – 108 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
5. Гузев В. Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. – СПб., 2011. – С. 289–351.
6. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1990. – 167 с.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М. ; Л. : АН СССР, 1956. – 571 с.
8. Павлов И. П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. – Шупашкар : Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1965. – 344 с.
9. Сергеев В. И. Хальхи чăваш чĕлхи. Морфологи. – Шупашкар : Чăваш патш. ун-чĕ, 1992. – 176 с.
10. Сергеев Л. П., Андреева Е. А., Котлеев В. И. Чăваш чĕлхи. – Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. – 432 с.
11. Серебренников Б. А. О значениях прошедших времен в чувашском языке // Ученые записки НИИЯЛИЭ ЧАССР. Вып. XVI. – Чебоксары, 1958. – С. 177–188.
12. Федотов М. Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Часть III. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1986. – 128 с.

**ON THE GRAMMATICAL CATEGORY OF THE VERB TENSE
IN THE CHUVASH LANGUAGE**

Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Abstract. The article analyzes and systemizes the meanings of the tense forms of the verbs in the Chuvash language and reveals the structural interrelations of these forms.

Keywords: *past tense of the verb, pluperfect, future tense, down-toning, duration, short duration.*

REFERENCES

1. *Andreev N. A.* Chävash chëlhin stilistiki. Ikkēmësh pajë: Morfologi. – Shupashkar : Chävash ASSR kën. izd-vi, 1964. – 184 s.
2. *Andreev N. A., Egorov V. G., Pavlov I. P.* Materialy po grammatike sovremennogo chuvashskogo jazyka. Ch. 1: Morfologija. – Cheboksary : Chuvash. gos. izd-vo, 1957. – 362 s.
3. *Ahvanderova A. D.* Kategorija vremeni glagola v govoraх chuvashskogo jazyka. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2005. – 108 s.
4. *Ahmanova O. S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1969. – 608 s.
5. *Guzev V. G.* Glagol'noe slovoizmenenie v tureckom jazyke // Oчерki po teoreticheskoj grammatike vostochnyh jazykov: sushhestvitel'noe i glagol. – SPb., 2011. – S. 289–351.
6. *Guzev V. G.* Oчерki po teorii tjurkskogo slovoizmenenija. Glagol. – L. : Leningr. gos. un-t, 1990. – 167 s.
7. *Kononov A. N.* Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo jazyka. – M. ; L. : AN SSSR, 1956. – 571 s.
8. *Pavlov I. P.* Hal'hi chävash literatürä chëlhi. Morfologi. – Shupashkar : Chävash ASSR kën. izd-vi, 1965. – 344 s.
9. *Sergeev V. I.* Hal'hi chävash chëlhi. Morfologi. – Shupashkar : Chävash patsh. un-chë, 1992. – 176 s.
10. *Sergeev L. P., Andreeva E. A., Kotlev V. I.* Chävash chëlhi. – Shupashkar : Chävash kën. izd-vi, 2012. – 432 s.
11. *Serebrennikov B. A.* O znachenijah proshedshih vremen v chuvashskom jazyke // Uchenye zapiski NII-JaLIJe ChASSR. Vyp. XVI. – Cheboksary, 1958. – S. 177–188.
12. *Fedotov M. R.* Chuvashskij jazyk v sem'e altajskih jazykov. Chast' III. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1986. – 128 s.

© Lebedev E. E., 2016

Lebedev, Eduard Evgenyevich – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia; e-mail: edlebed@gmail.com

The article was contributed on May 10, 2016